

СВЕТ НА УМ

Пять стихий окружают человека.

Три из них постоянно внутри него: вода, огонь и воздух. Кто-то считает, что там же должна быть и земля, но наши предки так не видели. Они считали, что человек должен оторваться от земли и парить над нею. И поэтому, если у него начинает проступать землистый цвет лица, для русского человека это плохой знак, говорящий о том, что Земля зовет его. Из Земли вышли, в Землю все и уйдем, говорит старая русская поговорка...

И тут земля проступает сразу в двух состояниях: и стихии, из которой мы пытаемся вырваться, и матушки, давшей нам жизнь... Но сын должен однажды уйти из-под материнской опеки. Человек, рожденный Землей, должен стать взрослым и оторваться от нее. Ох как это непросто!

Но когда? И как понять, что готов выйти в свой поход?

Когда наберется сил и поумнеет! Как это называли в старину, когда войдешь в пору!

А пора, вернее, **По́ра**, — это не время, а сила. Та сила, что дает человеку **оПоры**, то есть возможность встать на свои ноги и идти по жизни самостоятельно. Если вдуматься, именно **По́ра**, **По́рая** сила, и отделяет нас от стихии Земли. Но можно долго думать и так и не додуматься, что именно она позволяет нам помнеть и оторваться, то есть раскрыть крылья и взлететь...

Почему? Потому что только благодаря ей человек ходит на двух ногах, а душа человека не соприкасается с землей и сохраняет полет. Пусть, пока в теле, душа летает невысоко, но она все же летает! И пока **По́ра** держит ее в этом полете, человек не может забыть, что у него есть душа, есть крылья и он рожден, чтобы летать. Но куда стремится человек свой невысокий полет?

Определенно вверх! Определенно к свету! И определенно к уму! И как-то так складывается это все для русского человека, что **Верх**, **Свет** и **Ум** оказываются чем-то единым...

Родившись из земли или праха, человек оказывается погруженным в мир воды и воздуха, которые и наполняют его силами. И он учится, как собирать силу, переходя от грубых сил воды к легким силам воздуха, потому

что летать может лишь тот, кто научился обходиться силами этой коварной стихии.

Но этот переход невозможен, если ты не разбудишь в себе огонь. Мы воспринимаем его как жар сердца и узнаем в людях по горящим глазам. Такие люди, в ком раскрылся огонь, становятся яростными и не берегут себя. И чем сильнее разгорается в них этот огонь, тем больше они хотят лететь ввысь, и вся их жизнь похожа на череду непрерывных рывков и прыжков, в которых они пытаются оторваться от земли.

И даже пример бесконечного числа поражений не убеждает тех, в ком есть этот огонь, что все безнадежно. Они продолжают усилие и в какой-то миг знают, что оторвались и изменили свою природу!

Но лишь оторвавшись и от земли, и от воды, ты оказываешься в стихии, которая высушивает тебя. Люди считают, что воде противоположен огонь. Они заблуждаются, потому что не жили этим. Огонь такой же жидкий, как вода! Он не сжигает тело, он разливается по его членам! Воду сушит воздух! Сушит и порождает жажду!

О, это особая жажда, жажда, заставляющая двигаться даже там, где нет опор, потому что

одной силы воздуха тебе не хватает для развития. И вот, духовной жаждою томим, ты, питаешься лишь внутренним огнем, начинаешь поиск силы еще более тонкой, а значит, более действенной. Ты прорываешься сквозь стихию, которая становится теперь, когда ты оторвался от Земли, главным препятствием на твоём пути. Ты прорываешься сквозь Воздух!

Эта стихия наполнена силой, движением и бурями. Но он блаженно ищет бури! И рвется все выше и выше!.. Чтобы что? Чтобы найти того, кто породил вторую часть его природы, которую он и ищет! Он подозревает, что там его ждет Отец, а находит... А находит он, если находит, всегда только Свет! Свет, как и Земля, не внутри наших тел, он снаружи, по другую сторону от Земли.

И этот Свет, если удастся его достичь, становится всем для ищущего, но вот чудо: оказывается, он всегда был тут и никогда не бросал своего сына! Вот только как бы это разглядеть самому и сразу?! Как бы легче нам жилось, если бы мы могли это видеть!

Долгий путь человека, который знал про себя только то, что он Федот да Нетот, привел его однажды в место, где время

мчалось так быстро, что за стенками из крыльев чудесной Птицы Рах, что умела гулять по временам, мелькали лишь смутные тени людей, а вспышки тысячи дней слились в протяжный поток света снаружи, в котором совсем исчезла ночь...

И когда скорость движения их странного живого корабля возросла так, что тихий вой множества звуков внешнего мира перерос в мелодичный свист, который Федот узнал как трели своей верной Птицы, сила пришла к нему, он обвел глазами друзей, собравшихся рядом с ним в это мгновение, чтобы вернуть его вместе с его памятью, и обнаружил, что вместе с силой он нашел Вопрос!

Вопросы — нет, не тот словесный мусор, что завершается вопросительной интонацией, а Вопросы, как и Бог, которого заключили в кофейное зерно, — постоянно пытаются ускользнуть от нас. Даже кофею иногда удается сбежать, и все знают, что за ним непросто уследить! Что уж говорить про Вопрос! Большинство людей даже не подозревает, что этого бога заключили в человеческое зерно, как в зародыш, а он постоянно пытается сбежать от нас, пока мы его не видим!

И сбегает раз за разом, так что глупый человек остается без вопросов! И очень этому рад...

Но однажды, когда сил воздуха больше не хватает тебе для того, чтобы дышать полной грудью, ты можешь заметить, как тихо пытается сбегать твой Вопрос, и ухватить его за то, что называется хвостиком. У каждого уважающего себя Вопроса есть хвостик, которым он привязан к самой твоей сущности. И если ухватить его за хвостик, то можно подтянуть к себе...

— А что это за пронзительная мысль была мною взята у бога? — повернулся Федот к бледному юноше, сидевшему за столом напротив него.

Все, кто собрался в том путешествии ради возвращения его памяти, замерли, чтобы не спугнуть Вопрос. Кот Баюн начал растворяться в воздухе. Василиса, сидевшая рядом, прижалась плотнее, и тело ее едва заметно задрожало от напряжения. Учитель, пригубивший чашку кофе, заставил напиток замереть у себя во рту. Птица Рах сделала глаза круглыми, а свою трель — тихой, так что стало слышно тишину, и казалось, что это поет Радужная пленка Небесной тверди.

Даже чашка, стоявшая перед пустым местом, где никто не сидел, налилась скрытым свечением...

Глаза юноши вдруг вспыхнули, и юноша бледный со взором горящим ответил:

— Мы должны вернуться!

Свечение вокруг чашки стало ярче и охватило пустоту за ней.

— Мы должны вернуться? — повернулся Федот к пустому светящемуся месту за столом, словно оно могло говорить. И такова была сила его Второго вопроса, брошенного в пустоту, что пустота вернула его Федоту.

— Время пришло. Мы должны вернуться, — раздался оттуда глубокий голос.

— Откуда оттуда? — успел подумать Федот. — Из пустоты? Из меня? Из света?

И пронзительный свет вдруг стал виден ему, и это было странно, потому что он всегда был тут, всегда был с ним, всегда был его частью... Отделившейся частью. Той частью самого себя, которую он, оказывается, все время искал, словно потерял. Но говорил же ему Сват Наум когда-то, когда он впервые его нашел, что никогда не отстанет!..

— Позвольте представить вам моего спутника, — сказал он, подымаясь. — Это

не сват Наум, это Свет на ум... Сказка не обманула!

И склонил голову в сторону Света в пустом месте. Он поднялся Федотом, а склонил голову уже совсем другим человеком, в которого вспышкой вошла вся его память. И Свет, который был его светом, склонился вместе с ним, поскольку часть целого не может не быть вместе с целым. И получилось, что этим поклоном бывший Федот да Нетот отдавал долг благодарности всем, кто был рядом в этот важный миг.

И все склонили перед ним головы в ответном приветствии, как перед Светлым князем, который вернулся домой из далекого и долгого похода.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы возвращаемся!

Свет вернулся и медленно проливался в сознание. Это было похоже на пробуждение от тяжелого сна или возвращение в сознание после обморока. Как если бы ты очнулся после тяжелого удара и обнаружил, что лежишь, а вокруг что-то есть. И это что-то медленно расширяется по мере того, как ты водишь глазами.

Вот только он не лежал и не пропускал удара, от которого отключился... Это происходило прямо внутри того, что он считал обычным собой. Это состояние «обычного себя» было настоящей потерей сознания! Или кошмарным сном! И из него, оказывается, можно было проснуться!

Мир, который был вокруг и который он теперь рассматривал, был все тем же миром, в котором он только что находился. Собственно, ничего не изменилось. Просто он ощущал, что до этого видел его во сне,

а теперь видит то же самое на самом деле. И, самое главное, теперь и тот, кто это видел, тоже был на самом деле! Но тот, кто видел, был точно не тот человек, которым он себя только что считал...

Многие люди рассказывают, что выходили из тела и путешествовали душой. Но все это звучит сказочно даже для самого рассказчика. Все время сохраняется сомнение, что это было воображаемое путешествие. И лишь когда удастся на самом деле выйти, ты вдруг понимаешь, что такое **на самом деле!**

Вот такое **на самом деле** вошло в него вместе с пролившимся Светом! Мир на самом деле был. Как если бы до этого он видел не мир, а лишь его образы. Он сам стал на самом деле. И на самом деле появилась возможность учиться, обретать способности и меняться, потому что теперь было кого учить, во что вкладывать знания!

Он вдруг понял, что все, что он про себя знал до этого, было лишь сном о себе! Он вспомнил, что был Федотом, жил в деревне, попал в стрельцы, оттуда поднялся до царева сокольника... А звали его Федотом... Сон! Все это было сном! Целая жизнь Федота теперь ощущалась сном. Так же легко он мог

увидеть себя богом, но все это было бы лишь сном о божественности!

А теперь он словно нащупал то, что можно менять, к чему можно прикладывать усилия и что сохранит обретенное! На миг даже стало обидно, что большая жизнь прошла зря и он настоящий ничему не научился. Но свет тут же показал, что эта большая жизнь — только миг, но знания, обретенные даже во сне, остаются твоими знаниями. Их просто надо проверить, настоящие ли они!

И он начал пересмотр всего, что обнаружил в этом состоянии.

Точно был он. В этом сомневаться было нельзя. И точно был Свет. Свет, конечно, был его светом, но все же был еще как-то отдельным от него. Поэтому он отдался осознанию света в себе.

Да, это была часть его, но эта часть словно была отторгнута от него. Как? Стоило задать этот вопрос, как вернулась память: Свет отторгли, когда отторгнуты были его глаза. И теперь, когда он вернул один глаз, Свет приживался обратно, устраиваясь на своем месте поудобнее. И это давало удивительные ощущения настоящести!

Свет входил в него сверху, как бы просачиваясь в какие-то одному ему ведомые полости, и заполнял их, так что телесно ощущалось раздвигание чего-то внутри, так что все его тело гнулось и извивалось вслед за этим движением. Внутри головы свет на мгновение во что-то уперся, и оно раскрылось, словно дверка, и все внутреннее пространство тела озарила вспышка пронзительного света, какой доводилось ему видеть лишь в паучьем гнезде, где жило восприятие бога...

И тут же память о том, как он жил внутри бога и овладевал божественным восприятием, вернулась, улеглась и стала его опытом...

Но Свет проливался все глубже в тело, и с каждой вспышкой что-то из прошлого возвращалось к нему и становилось частью какого-то особого тела. Но пока Свет лился в него, все это не становилось главным, не захватывало его. Лишь возвращение Света имело значение...

Свет между тем дотек до груди, там уперся в новые ворота и распахнул их, так что еще одна ярчайшая вспышка озарила все его внутреннее пространство и вернула новые объемы памяти. В животе Свет вскрыл со

Мы возвращаемся!

вспышкой еще одни двери, протек до самого дна, открыл выход наружу и потек по каким-то полостям ниже, до колен, словно тело не кончалось там, где кончалось тело. И лишь найдя какую-то полость в пространстве возле колен, Свет остановился в своем движении.

Это пространство раскрылось и начало засасывать его сознание в себя. Но он остановил себя, потому что оно было огромно и хитро. Здесь скрывалась его Древняя Мудрость... И в нем можно было потеряться без учителя. Он распахнул глаза.

Тут же нежная рука схватила его за руку. Он повернулся и увидел прекрасную женщину, глядящую на него сияющими глазами, и вспомнил ее такой же вспышкой. Вспомнил именно ту, что на самом деле, настоящую, его Василису. Он сжал ее руку, не в силах оторваться... Так много было у них в прошлом!

Но тут огромный кот вдруг проявился из воздуха и принялся тереться всем телом о ноги хозяина, заполняя пространство мощным мурлыканьем. И он вспомнил, что кота этого боялись во многих мирах, вспомнил, что звали его Баюном и однажды он

выдержал страшную битву, чтобы приручить этого кота!..

Мир словно возвращался к нему кусок за куском с каждым, на кого падал его взгляд. И каждый раз он понимал, что то, что он видел Федотом, было обманом. Он видел и не видел. Это был тот же, но другой мир!

Он поднял глаза, ощущая себя Федотом, и встретился взглядом с Учителем, который напряженно наблюдал за ним через замершую перед ртом чашку. И в тот же миг вернулся огромный кусок его настоящего мира, и он понял, что это не Учитель, а он не Федот. Его любимый брат был перед ним. Старший брат, светлый князь ветров Буревой.

— Здравствуй, Буря! — сказал он учителю и тут же поправил сам себя, ощущая торжественность мгновения. — Приветствую тебя, Светлый князь Буревой!

Брат поставил чашку, шагнул к нему навстречу, обнял, отстранился, держа руками за плечи, и сказал с улыбкой:

— Ну, здравствуй, брат! Как же долго ты спал! Князь Буревой приветствует Светлого князя Ветробоя!

И перед глазами Федота распахнулись миры, уходящие безмерной воронкой ввысь,

и в этих мирах его звали Ветробоем или просто Ветром. И он понимал, что это он и это его миры... И ему еще придется принять и их, и себя, потому что он не помнил себя князем...

Он готов был броситься в свои воспоминания, так сладки они были, но с удивлением увидел, что на глазах его старшего брата появились слезы. А когда одна слезинка сорвалась с ресницы, он ловко подхватил ее на ладонь и тут же втер себе в то место вверху груди, что называется душкой, и подмигнул брату.

Но когда он подмигивал, Буря подмигнул ему в ответ и тут же подхватил из воздуха такую же слезинку и втер в душку себе. Оказывается, осознал Ветробой, у него тоже стояли слезы в глазах... Слезы, которые ты пролил в душу другого, делают вас ближе братьев по крови...

— Ну, здравствуй, Ветер! — еще раз обнял его старший брат и отпустил, чтобы он мог поздороваться с Василисой, которая все сильнее прижималась к плечу своего любимого.

— Здравствуй, радость моя, — повернулся он к Василисе и обхватил руками, прижимая к своей груди.

— Здравствуй, милый! — всхлипнула она, прижимаясь к его груди. — Как долго я тебя ждала!

— Как долго я спал! — воскликнул он, вытирая слезы о милый запах ее волос.

— Ты так долго спал, что я уже боялась, что ты никогда не проснешься...

И он почувствовал, что грудь его стала влажной от ее слез.

— Так ведь и не проснулся бы, если бы не вы, — шепнул он, целуя ее волосы.

Тут что-то яркое зашевелилось и зашуршало возле него. Он поднял глаза и увидел сначала огромную птицу, а с ней и память о той древней битве, в которой они участвовали вместе, когда он был еще совсем юным. Именно тогда она избрала его своим наездником, и битву устроили в честь его совершеннолетия. Ему пошел пятнадцатый год, и он сумел приручить Птицу, что подтвердило его княжеское происхождение...

Почувствовав, как воспоминания наплывают на него, Василиса отстранилась и ушла смыть с лица следы слез. А князь Ветройой, которого близкие после той битвы прозвали Удалым, подошел к птице, которая была его воздушным конем, гарудой,

и приветствовал ее тем жестом, которым у его народа было принято приветствовать своих ездовых птиц. Он взял ее за голову и подставил к ее клюву свой левый глаз.

Она заклекотала и прижалась своим левым глазом к его глазу. Их видение слилось. И Ветробой наполнился памятью о том, как был Удалым и учился смотреть ее глазами и как много они видели вместе...

Затем он точно так же подставил ей свой правый глаз.

— Извини, мой князь, — тихо сказала она. — Я должна вырвать его, потому что он чужой.

Он кивнул:

— Делай что должна, моя Птица!

— Но я припасла вот это, — сказала она и достала откуда-то из перьев на груди черную повязку для глаза.

Ветробой взял повязку из ее клюва, и в тот же миг одним резким и отточенным движением она вырвала его правый глаз и проглотила его.

Василиса тут же приложила к его глазнице белую тряпицу, пропитанную целебным раствором, а брат Буревой взял из его руки повязку и повязал поверх тряпицы.

— Теперь тебе один путь — вернуть свой второй глаз!

Василиса закивала:

— Без него тебе не вернуть свою мудрость, — и улыбнулась печально, показав глазами куда-то вверх над его головой.

Ветробой смотрел на ее улыбку и отчетливо чувствовал, что даже Свет не вернул ему память обо всем, потому что доверял ей, но не понимал. Это было удивительное ощущение: теперь он точно знал, какое тело надо восстанавливать и обучать...

Путь был ясен, и другого для него не было.

Почувствовав это, Баюн взвился в воздух и уселся на его плече, топорща усы и тараша глаза, будто готовился прыгнуть и вцепиться в морду любому чудовищу, что встретится на их пути. И светлый князь ветров, звавшийся в своей юности Удалым, а впоследствии носивший множество разных имен, вдруг почувствовал, как огромный кот, сидящий у него на плече, поглощает остатки того сна, в котором он жил, словно всасывает в себя обрывки ночного тумана.

Слабого он усыплял, сильного укреплял в бодрствовании! И он тут же вспомнил главное: им предстояла жестокая битва!

Мы возвращаемся!

Ощущение настоящести стало пронзительным, и он снова почувствовал себя князем, словно из памяти это перешло прямо в какое-то тело. А ощутив себя князем, Ветробой вдруг почувствовал себя звонким, словно его пронизали упругие стальные жилы, и повернулся в поисках своего меча. Но обнаружил вместо него юношу бледного со взором горящим. Взор юноши вспыхнул, и он весь подался вперед, в готовности действовать.

— Я люблю тебя, мой старый боевой товарищ! — сказал Ветробой и протянул к нему руку.

В тот же миг юноша бледный превратился во вспышку и метнулся к его руке. А в следующий миг рука князя уже сжимала привычную рукоять меча и сам он гляделся в его зеркальный клинок, который дрожал в его руке, наливаясь яростью.

— Мы возвращаемся! — тихо, но с огромной силой произнес Светлый князь Ветробой, и все вздохнули, будто долго сдерживали дыхание в ожидании этих слов.

— Что ж, сударыня, — повернулся Буря к Гаруде, — как далеко мы улетели?

— Мы как раз подлетаем к твоему Трону, где ты поджидал его в прошлый раз.

— Так правьте на это время, сударыня!

— Дальше в будущее не полетим?

— Не полетим. Нам слишком много надо вспомнить, обсудить... Мы довольно давно не виделись, знаешь ли... И вообще, к битвам надо готовиться. У Трона это будет легче всего...

— А когда остановимся на времени, в этом месте задерживаться не будем?

Буря посмотрел на брата, а потом на Василису с вопросом.

— Нас ведь здесь ничего не держит?

— Я была здесь счастлива, — печально ответила она.

И бывший Федот-Нетот, а теперь светлый князь Ветробой по прозвищу Удалой взял ее руки и начал целовать пальцы, а потом встал перед ней на колени и торжественно спросил:

— Моя княжна, когда я вернусь из этого похода, ты станешь моей женой и вступишь вместе со мной на трон моего княжества?

Слезы снова полились из ее глаз, она обняла его голову и ответила:

— Ты же знаешь, дурачок, что стану. Впрочем, откуда тебе это знать, ты же видишь совсем недалекое будущее...

— В таком случае, друзья, у меня есть пожелание... Пока я не вернул княжество и наша свадьба не состоялась, я буду зваться Нетотом!

Мы на времени

— Я думаю, нам лучше остановиться посреди ночи... — тихо пробормотала Птица Рах, косясь на князя Буревоя, чтобы не смотреть, как плачет Василиса.

Тот вздрогнул, тоже отвел глаза, кивнул и вернулся к своему кофе. Кофе в его чашке больше не было, одна гуща, он принялся отплевываться, так что Василиса засмушалась своих слез. Нетот покосился на него, улыбнулся и поискал в глубине своего сознания, как наполнять чашки свежим кофе, как это делал Сват Наум.

Эта часть была ему еще не знакома, но он задал вопрос, и ответ пришел вспышкой, после которой все чашки на столе заблагоухали ярким кофейным ароматом от переполнявшего их напитка. Чашка брата резко потяжелела, от неожиданности он расплескал часть кофе, и капли помчались вниз, так что Баюн, тершийся о ногу хозяина, с шипением взлетел на кресло.

Но Буревой одним непрерывным движением подхватил чашкой все капли, так что ни одна не долетела до пола, и поднял глаза на брата.

— Похоже, мне придется осваиваться с самим собой, — извинился Нетот, уважительно кивая. — Однако, брат, ты показал мастерство!

— Что ж, пришло время, когда и ты стал задавать мне задачи! И мне нравится это!

— Сколько нам еще лететь до нашей ночи? — спросил Нетот Птицу.

— Уже совсем немного.

— А как потом?

— А потом я подыму вас в небо, и мы полетим до Трона.

— В таком случае, брат, не хочу упустить одну вещь. Давно мечтал из тебя вытрясти, — показал Нетот на угол, из которого его ночной гость доставал разные вещи. — Как ты это делал?

Василиса засмеялась:

— Он весь этот угол исковырял — искал, нет ли какого тайника!

Буревой усмехнулся:

— Пока ты пропадал, я тут тоже времени зря не терял, учился кое-чему! Садись поближе к углу.

Нетот сел и покосился на угол. Угол был как угол. Ничего особенного.

— Что ты хочешь оттуда достать?

— Ну не знаю... Розу с четырьмя шипами, — улыбнулся он Василисе.

— Ну, суй руку в угол. Не гляди даже. Что чуешь?

— Угол чую. Бревна!

— Вот так и не гляди. Теперь просовывай руку сквозь бревна...

— Как ее сквозь бревна просунуть?

— Я тебе помогу. Главное, не гляди глазами. Гляди внутренним оком. Чуешь, что уперся. Забудь про бревна. Это пленка, про которую ты знаешь, что она бревна. А на самом деле ты это только помнишь.

— Ну помню... Чего помню? Я что, топором не махал?

— И это ты только помнишь. И то, что, когда ты рубил дерево, внутри всегда была древесина, ты только помнишь. Это всего лишь случайная последовательность совпадений. Но ты не можешь быть уверен, что так будет во всех случаях. Может попасться и пустое бревно, у которого только снаружи деревянная пленка, понимаешь меня?

— Ну пусть так. И что?

— Так и подтяни именно такой редкий случай, когда там за пленкой пусто. Я тебе помогу. Сделай усилие, увидь, что там ничего нет. Увидел, что пусто?

Нетот неуверенно кивнул.

— Теперь листаем книгу возможностей. Представь, что там такая книга, в которой хранятся все возможные случаи. Ищи возможные наполнения пустоты. Не трать время зря, сразу зови то, в котором там лежит роза... Зови, зови... Вот! Хотя нет! Это ты кувшинку позвал! Кувшинка пойдет? — повернулся он к Василисе.

Василиса закивала.

— Просовывай руку! — крикнул Буревоу. — Резко, но легко! — и прикоснулся пальцами к дереву возле руки Нетота.

Дерево вдруг стало податливым, словно гибкая пленка, пальцы продавили ее, не прорывая, а словно бы раздвигая, и он почувствовал, что прикоснулся к влажному стеблю. Ухватил его и потянул. Стебель натянулся — похоже, это была живая кувшинка из пруда. Нетот потянул сильнее, оборвал стебель и вынул кувшинку. Стебель оказался оборван коротко, почти возле самого цветка. Он растерянно посмотрел на Василису.

Та подпрыгнула, схватила короткий цветок и прижала к груди, показывая, что все хорошо.

— Ты не расстроена? — спросил он. — Такая незадача!

— Ты знаешь, что это первый цветок, который ты подарил мне за долгие годы? — уткнулась она носом в кувшинку.

— Что, вправду первый? — растерялся он.

— Вот! — наклонила она голову вперед с выражением. — Можешь не сомневаться, это самый прекрасный цветок, который я видела за эти годы!

Нетот почесал затылок, как привык делать Федотом.

— Кажется, даже Свет на ум не избавляет мужчину от ощущения себя недоумком в присутствии женщины? — покачал головой старший брат.

— Да уж... Буду исправляться... Птица, долго еще?

— Совсем чуть-чуть осталось, — ответила Птица, искоса поглядывая на цветок в руках Василисы.

— Птица, как-то мне странным показалось, что ты так легко добыла мне повязку на глаз, — сказал Нетот. — У тебя там что, кармашек под перьями?

— У меня?

— У тебя!

— Где?

— Вот здесь, — показал он на перья сбоку груди, поближе к крыльям.

— Да и нет ничего!

— А мне как-то помнится смутно, что знавал я птицу, которая перла все, что блестит!

— Ну не знаю, о чем ты! У тебя было много знакомых птиц!

— А ты случаем не прибрала ли чего-то такого, что мне сейчас может пригодиться?

— Например?

— Да вот, когда я в Голымбу провалился, у меня одно колечко пропало.

— Какое колечко?

— Волосяное колечко!

— Вот это? — добыла она из-под другого крыла маленькое колечко из скрученной темно-каштановой пряди.

— Вот это! — ответил Нетот, забирая колечко.

— Так это я чтобы оно в Голымбе не переварилось...

— Очень хозяйственно, сударыня, — закивал князь Буревои. — Очень хозяйственно!

Птица с достоинством поклонилась ему.

— Что еще? — спросил Нетот, надевая колечко на мизинец.

— Что еще?

— Что еще ты спасла от разрушения и потери?

- Ты о чем?
- О чем и ты!
- Я что-то не помню!
- А вот я помню, что выглядела ты чуточку не так во время нашей первой битвы!
- Что, постарела?
- Нет, похорошела!
- А, это ты про это? — и Птица закатила глаза кверху.

И все заметили, что ее хохолок из похожих на стальные лезвия переливающихся разными цветами перьев скрывает в себе перышко особой красоты с ярким глазом посередине.

- Вернуть не хочешь? — спросил Нетот.
- Конечно! Я для тебя и берегла!
- Я тебе очень признателен! Наклони-ка голову-то!
- А может, я ее поношу, пока она тебе не понадобилась?

— А что это? — спросила Василиса.

Нетот приподнял обруч с пером, охватывавший голову Птицы, так что гляделся, как будто это ее естественная раскраска:

— Шапка-невидимка! У леших добыл... — он задумался и опустил обруч обратно на голову Птицы. — Храни. Ты заслужила, моя верная подруга!

Птица затрясла перьями, прихорашиваясь, уселась и показала глазами на кинжал, который был парой мечу Нетота.

— Ты забыл еще одну вещь.

— Какую?

— Вон на клинке возле самой рукоятки словно гравировка. Не помнишь?

— Точно... Это было на затылке у Шишкá... Как пряжка с шестью ножками. Держало его в подчинении! И там же была еще подковка...

Птица запустила голову к себе в перья возле крыла и достала подковку, на которой был выбит цветок из трех лепестков.

— Точно! Вот следы тех, кто охотился за нашим старшим братом и срубил его Дуб! — протянул Нетот подковку и кинжал брату.

— Вот и определилась наша дорожка! — воскликнул Буревой, раздувая ноздри, словно сдерживал бурю.

— Тогда я взлетаю? — спросила Птица. — Мы почти на времени!

Сероглазый король

— Ну вот, мы почти тогда... — произнесла Птица Рах, и взгляд ее стал отстраненным. — Теперь не промахнуться мимо самого темного часа... Присядьте, сейчас подыматься начнем...

Все расселись по креслам, Баюн перебрался на колени к Василисе. Вокруг что-то изменилось, и мир перестал звучать трелями Небесной тверди, появился какой-то гул. И тут же их шар, наполненный теплом и запахами кофе, вздрогнул и оторвался от пола избы. Вместе с полом и знаменитый ее угол поплыл вниз.

Нетот достал серебряный ефимок, который всегда таскал с собой в кармане, и бросил его на скамейку в волшебный угол. Вроде и не за что было благодарить тех людей, что жили в этой избе через два века после него, но очень хотелось, чтобы этот угол оставался чудесным...

— На развод! — улыбнулся он Василисе. — Чтобы такие углы не перевелись...

Василиса улыбнулась и дотянулась до его щеки губами. Для нее было важно, что он ценил это место, где им довелось недолго побыть вместе во время затишья в бурной жизни.

Дом медленно ушел вниз, и они оказались висящими в ночном небе над спящим селом.

— К Трону? — уточнила Птица.

— К Трону! — подтвердил Буревоу.

Птица вдруг взмахнула крылами, отчего разноцветные искры, словно брызги, опали вниз во все стороны, делая тьму еще ярче, расправила крылья, превращаясь в большой плоский ковер, и бесшумно двинулась над спящим миром на север. Крыльями она при этом не махала, а просто скользила по воздушным потокам.

Защита, что до этого держала Птица, ушла, и прохладный ветер обдувал их лица и остужал разгоряченные головы. Нетот тут же снял свой кафтан и набросил на Василису. Они развернули кресла в направлении полета, поставили их в ряд и наслаждались ночным небом и звуками лета, в котором оказались. Птица не спешила, чтобы не застудить их, и они летели довольно долго, лишь бы успеть до первых признаков рассвета.

— Так ты нашел его Дуб? — спросил Буревой.

— Посвиста? — Нетот кивнул. — Теперь я понимаю, что нашел именно его родовой Дуб, его Лесину и его следы. Старый колдун говорил, что он здесь возвращался, когда погибал в других мирах. Он оставил мне этот меч левой руки в дупле. Я долго считал, что это просто нож такой... Налокотник.

— После того как ты пожертвовал собой ради меня, — сказал Буревой, — и тебя порвало и разбросало, я искал и твои части, чтобы вернуть тебя, и его. Но его я найти не смог. И я не знаю, жив ли он... Но я рад, что ты вернулся, — он положил свою руку на руку младшего брата и сжал ее.

— Я тоже не знаю. Но этот нож он положил в дупло уже после того, как Дуб срубили. И если я понимаю, мы примерно в том времени, когда это произошло.

— Да, — покивал Буревой, — но ты же знаешь, что для нас прошлое не спасение. Если он убит в будущем, то он убит, даже если еще жив сейчас...

— Я еще не восстановился, если честно... И не все знаю, что знал, поэтому я попробую! Даже если он убит!

— Тебе опять придется идти одному. Я должен буду охранять Трон. Василиса будет хранить Замок.

— Не привыкать. Храните гораздо! Пока вы храните, я чувствую, что у меня за спиной все надежно. Лишь бы он был жив...

Буревой хмыкнул печально:

— Одна женщина встречалась с ним и, похоже, видела его смерть... Видимо, он любил ее, потому что ей была дарована вторая жизнь. Всю эту жизнь она пробыла под очарованием от встречи и написала вот это:

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.
Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»*

— Он всегда был бабником, — усмехнулся Нетот.

— И я бы не стала верить женским слезам в этом случае, — сказала Василиса. — Вовсе не обязательно, что она видела его мертвым. Она могла так передать свои чувства, когда он ее бросил.

— Или он подстроил свою смерть, — согласился Буревой. — Это он мог!

— Что ж, не будем гадать, — согласился и Нетот. — Путь наш ясен. Для начала мне надо разыскать одного приятеля, который знал дорогу к нему домой.

— Кто это?

Нетот с улыбкой посмотрел на Василису:

— Когда я был большим и лохматым псом, обильно обжитым блохами, мне довелось подружиться с лошадкой, которая была не совсем лошадкой. Звали моего приятеля Коньком-Горбунком. Он обещал вернуться, как только отведет старого колдуна к Посвисту. Ну ты помнишь Лешего, — повернулся он к Буревой. — Они ушли по краю нового мира, что мы сотворили тогда для твоей подруги, которую ты назвал Белкой-Летягой.

— Да-да-да! Я понял уже, — задумался Буревой. — Как же нам найти твоего Горбунка...

— Может, Дива поможет? — спросил Нетот, доставая волосяное колечко. — Ты не против, я ее приглашу?

— Или Крук! — усмехнулся Буревой. — Эти мудрецы много всего видали и знают, как находить следы.

— Так что, зову?

— Зови! Хотя они уже ждут тебя.

Нетот принялся тереть волосяное колечко, надетое на мизинец, и почувствовал, как оно разогревается.

— О, летит! Чую! — воскликнул Буревой. — Нравишься ты ей!

— Это вы о ком? — сразу заинтересовалась Василиса.

— Об одной старой богине, — ответил Буревой, улыбаясь. — Из древних. Она его лечащий врач. И, кажется, твоя дальняя родственница.

Нетот успокаивающе погладил Василису по руке:

— Ты же знаешь, я заговоренный от женского глазу...

— Знаю, но... Береженую бог бережет!

— Или богиня! — засмеялся он.

Впереди вдруг показался далекий огонек.

— А нас ждут!

— Кто это? — спросила Василиса. — Лечащий врач?

— Нет, это его наставник Баим держит для нас свет в окошке!

И тут же с разных сторон к ним подлетели огромный ворон и яркая птица, каких не видано было в этих краях. Они одновременно крикнули в ответ на их приветствия и полетели рядом с крыльями их ковра-самолета, торжественно сопровождая до дома.

А в светящемся проеме высокой башни, стрелой возносящейся над лесом, стал виден силуэт старого гусяра, который держал для них дверь открытой.

— Ну вот мы и дома, — сказал Буревой. — Каково это, брат, знать, что у тебя есть дом и там тебя ждут?

— Надо было изрядно поскитаться, чтобы эти слова перестали быть только словами... — вдруг осознал Нетот, наблюдая, как спадает внутреннее напряжение и слабость, словно прохладная вода, проливается внутрь тела, покалывая и обжигая его изнутри...

Возвращение утраченных слов

Башня колдуна, стоявшая на Материковом камне, была выше, чем казалась. Это Нетот помнил. Но когда они всей толпой ввалились в нее через дверку, выходящую в пустоту над верхушками деревьев, она оказалась еще и шире, чем была в его памяти, словно подросла и раздалась за это время.

Нетот подошел к Баиму, севшему на трон, чтобы не мешать вновь прибывшим, и поклонился ему. Баим встал и троекратно поцеловал его в щеки по старому русскому обычаю. Василиса сама расцеловала старика. Дива влетела яркой птицей и тут же превратилась в прекрасную и величественную женщину.

Нетот хотел поклониться ей, но свет пролился куда-то еще глубже, и вспышкой пришло понимание, как князь ветров должен поступать в таком случае. И Нетот открыл свое истинное лицо, преклонил колено, склонив голову. Дива тонко улыбнулась, положила руку ему на голову и мягко сказала:

— Встань, князь. Я рада, что ты вернулся. И мне нравится то, что я вижу.

Буревой раскланялся перед Дивой и тут же предложил ей чувствовать себя хозяйкой в его доме. Баим показывал ему глазами на Нетоту и Василису:

— Однако там все готово! — и он показал пальцем вниз башни.

Буревой подхватил Василису под руку, едва она поклонилась Диве, и увел, бросив Нетоту:

— Повел сдавать вашу комнату хозяйке! Ты тут с Дивой пока поговори!

Дива прежде осмотрела Птицу Рах, которая приседала перед ней, распушая перья и слегка приоткрывая крылья, словно делала реверансы. Крук и Баюн тут же попрятались от Дивы за Баима, рассевшись на противоположных сторонах спинки трона, и оттуда настороженно за ней наблюдали. Баюн под ее взглядом даже стал на всякий случай полупрозрачным.

— Древняя! — промурлыкал он почти тельно и прижал уши.

Но она погрозила ему пальчиком и повернулась к Нетоту, вглядываясь в него.

— Значит этот паршивец меня дурил, когда тебя в первый раз показывал? — уперла она руки в боки, как будто и Нетот тоже ее дурил.

— О чем ты, богиня? — улыбнулся Нетот.

— Вы братья! Я даже могла бы сразу догадаться, но он навел тень на плетень! Заговорщик!

— Ты считаешь, что это плохо?

— Ну нет, вообще-то... — фыркнула она, отводя глаза. — Молодцы! Ладно, дай-ка я тебя осмотрю, — сказала она уже мягче.

— Мне опять раздеваться?

— Чтобы меня твоя жена возненавидела?! Сними вон все лишнее! — показала она на кольца и меч.

Нетот вынул меч из ножен и воткнул в пол. Меч задрожал и со вспышкой превратился в бледного юношу со взором горящим. В этот раз он сразу был одет по моде эпохи романтизма.

— Сударыня! — поклонился он Диве.

Дива посмотрела сквозь него и показала на место за столом пальцем. Юноша безропотно повернулся и сел за стол.

— Это тоже, — показала она на налокотник, прячущийся в предплечье Нетота.

Нетот извлек кинжал, и Дива вдруг зашипела, отстраняясь от него и невольно двигаясь в сторону Баима.

— Что? — спросил Нетот в недоумении.

Она пальцем показала на слившуюся с клинком гравировку возле рукояти.

— Это было на затылке одного моего друга.

Она показала пальцем себе на шею под основание черепа, подняла волосы и показала Нетоту затылок. Возле того места, где шея входит в череп, по обеим сторонам позвоночника виднелись едва заметные шесть белых пятнышек.

— Что ж, тем больше оснований их разыскать! — сказал Нетот, и сказал с такой тихой силой, что все, кто был в горнице, приподнялись и поклонились Светлому князю, что прозвучал его голосом.

— Птица, пока мы летели, я позвал своих друзей. Ты их помнишь. Разыщи и подымай сюда. Думаю, Древняя, тебе надо будет посмотреть на него. Быть может, найдешь какие-то подсказки, где искать...

Птица Рах молча повернулась и ушла сквозь стену в том месте, где был выход на Восток.

— Ладно, князь, я вижу, что буду отомщена, — сказала Дива. — Но все же отложи все,

что может мне помешать. Повязку с глаза тоженими...

Нетот просто снял свой стрелецкий кафтан и повернулся к ней. Дива принялась его осматривать со всех сторон. Тут поднялись Буревой и Василиса. Василиса еще раз поклонилась Диве.

— Здравствуй, дочка! — ответила та, разглядывая Василису глубоким взглядом.

— Скорее внучка, — улыбнулась в ответ Василиса. — Но, надеюсь, любимая?

— Это мы скоро выясним, — улыбнулась и Дива. — Нам надо завершить то, за чем его посылали. Провести возвращение слов. Не будем тянуть с этим. Баим, Буревой, вы готовы?

Они оба уселись по бокам от Нетота, внимательно глядя на него.

— Не упустите ни одного слова! — приказала она.

Но они и так были предельно сосредоточены.

— Крук, — бросила она ворону. — Закрой нас, чтобы какое-то время никто не мог нас найти...

Ворон что-то проскрипел в ответ.

— Ну-ка помоги, — повернулась она к Василисе, взяла ее за руку и попросила

прикоснуться пальчиком к какому-то месту у Нетота над головой. Василиса улыбнулась Нетоту и потянулась рукой вверх. Все замерли в ожидании.

Дива подправила ее руку, что-то словно хлопнуло внутри головы, и Нетот вдруг увидел череду событий, которые происходили с ним за время его путешествий. Это была огромная череда. Но Дива тут же ее сократила.

— Так, нам нужна только речь... — пробормотала она и принялась делать движения пальцами возле головы Нетота, словно что-то развязывала.

И все лишнее отделялось от потока слов, который шел, оказывается, одновременно с потоком событий, и из этих событий выделялись только те мгновения, когда люди что-то говорили. Но Дива продолжала свое мягкое колдовство, и из разговоров все лишнее тоже уходило в тень, зато вспышками проявлялись лица, даже скорее рты, произносящие слова неведомого языка.

Это порождало удивительное ощущение: вот говорит человек вполне понятные вещи, и вдруг словно что-то высвечивает в его речи слово, которому Нетот просто

не придал бы значения, а то и удивился бы этому странному слову, если бы сумел задержаться на нем вниманием. Но человек продолжал говорить, и все тут же забывалось, словно ты слышал и не слышал это слово одновременно...

Внезапно пришло понимание: именно так и происходит в жизни — мы сталкиваемся с богами, мы говорим с ними, они пытаются нам что-то сказать, иногда сами, иногда сквозь уста другого человека, но мы слышим только ту часть речи, которая имеет для нас значение. И совсем не слышим слова божественной речи! Она лишь помешает нам, смутит покой того, кто сладко спит...

Но теперь все поменялось. Слова, которые Дива выделяла из потока речей, стали самым главным, потому что вся остальная речь была не важна и тут же забывалась. Важно было лишь то, что выделялось в луче света, пролившегося из той точки над его головой, что держала пальцем Василиса. Словно этим движением она открыла дверцу или крышечку, впустив в сознание Нетота поток знаний...

Но Василиса не дала этому длиться, и, как только к Нетоту пришло ощущение, что он

услышал последнее нужное слово, она отдернула руку и тут же принялась гладить Нетота по голове:

— Все хорошо? Тебе не больно?

— Что это было? — потрясенно спросил он, ощущая, что это вовсе не такое уж безопасное развлечение — воспринимать этот поток.

— Это твоя мудрость, которую вырвало из тебя вместе с правым глазом, когда тебя раскидали по свету... — ответила Дива. — Они надеялись, что эту свою способность ты утратишь навсегда. Но им не повезло... Ты оказался ловким прохвостом и сумел влюбить в себя богиню мудрости. Способности у тебя нет, но зато у тебя есть сама Мудрость, чтобы восстановить все утраченное.

— К сожалению, только в моем присутствии, — кивнула Нетоту Василиса.

— А зовут тебя, моя будущая жена, не просто Василиса, а Василиса Премудрая? — пошутил Нетот.

Она засмеялась, но Дива тут же прервала их объяснения:

— Иди к Баиму и пропой ему все, что услышал! Пока снова не ушло...

Баим поднялся и с поклоном уступил трон Диве. А сам сел перед троном в кресло

и взял в руки гусли, показав Нетоту на второе кресло:

— Это Трон могущества, пока ты сидишь возле него, тебе достанет силы произнести все слова, за которыми тебя посылали.

— Посылали? — спросил Нетот, подымая глаза на брата.

— Ты же помнишь, ты ушел от меня, — пояснил Буревой, усаживаясь рядом, — чтобы найти потерянные слова, которые нужны, чтобы открыть Небесные врата!

— Да, но я ничего не нашел! — невольно воскликнул Нетот, чувствуя, что это слова из прошлого состояния. — Я не чувствовал, что нашел...

Буревой рассмеялся, заулыбались и Баим с Дивой.

— Ты думаешь, простой человек может понять, что услышал слово из речи богов? Даже слыша эти слова, люди не понимают их, а то, что они не понимают, они не только не могут запомнить, они даже не слышат этого...

— Ну, я и не слышал, — подтвердил Нетот, вспоминая это странное ощущение, когда луч высвечивал внутри речи слова, которые он даже не слышал.

— Ты, но не твоя мудрость! — сказал Баим. — Ты ходил по мирам, которые однажды были

сотворены божественным словом. Нельзя войти в мир, не услышав слово, положенное в его основание. Боги даже не входят в те миры, чьи слова не в силах прочесть. Рассказывай, что тебе сейчас открылось.

— Верни мне мои слова! — сказала Дива и прикрыла глаза веками, словно собиралась слушать всем своим естеством. — Верни то, что у меня отобрали силой!

Содержание

Свет на ум 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы возвращаемся!	11
Мы на времени	23
Сероглазый король	31
Возвращение	38
утраченных слов	38
Снова воссели боги	48
Задачи	56
В поисках иных миров	63
Переход	71
Огненная река	78
Беличье гнездо	87
Межмирье	95
Кладбище первовиновников	104
Три вопроса	115
Внутри взрыва	122
Конек-Горбунук	130
Битва в ущелье	137
Замок в скале	145
Священная роща	154
Сломанный мост	162

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Покатигорошек	169
Совет	177
Совет после обеда	185
Совет после чая	193
Мир Миров	201
Проникновение	209
Внедрение	218
Зачатие	225
Рождение Покатигорошка	233
Сборы в поход	240
Поход	248
В гостях у сестры	256
Битва со Змеем	263
Пробуждение	270
Братья	278
Змеиха-Мать	285
Яблонька с горючими яблочками	292
Колодец	300
Мать зверей	308
В лесной избушке	319
Волчок	327
Возвращение глаза мудрости	336

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Воссоединение	344
Учитель упрощения	349
Ловушка или задача?	357
Успех	366
Хитрость	375
Потерянное яйцо	382
Сказания вещей Птицы	391
Напутствие	400
Сумрачные пути	409
Мрак	416
Кратос	424
Гулкие дворцы Аида	433
Концы и начала	440
Темная ночь	448
В чертогах Ночи	456
Троны могущества	464
Великие дома	472
Возрождение бога невозможно	480
Необходимость	488
Вместо заключения	498